

18+

ИГОРЬ БОЖЕНОВ

ВАМПИР, 1921

Игорь Боженков

Вампир, 1921

«Издательские решения»

Боженев И.

Вампир, 1921 / И. Боженев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988908-9

«Вампир, 1921» написан в 2018-ом году и рассказывает историю человека, прошедшего сквозь горнило Первой мировой войны. Герой знает, что долг и отчаяние не являются пустыми словами, а необходимость жить — абсолютным злом. Что такое борьба с собой, со своими страхами и чужим страданием — ответы на эти вопросы можно найти в романе...

ISBN 978-5-44-988908-9

© Боженев И.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вампир, 1921

Игорь Боженков

© Игорь Боженков, 2020

ISBN 978-5-4498-8908-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Люди всегда боялись того, что находится за гранью их понимания. Незнание – вот основная причина страха, животного, подчас немотивированного чувства, которое, тем не менее, способно подчинить себе волю человека полностью.

Одержимый страхом человек, словно загнанная в угол крыса, пытается найти выход любым способом, вгрызаясь в плоть, бетон, или даже сталь. Но лишь поняв, что у страха есть настоящая мотивация, человек перестраивает себя и все свое существо для подчинения этому мерзкому, прискорбному состоянию ужаса. Ужаса перед неизвестностью.

Меня зовут Альберт Туле, и я... олицетворение ужаса. Я – вампир.

Все имеет свою цену. Этот дневник – тоже. Но есть вещи стоящие чрезвычайно много, а есть дешевые безделушки, которые продаются дорого. Никогда не стоит путать понятия.

Цену вещам я узнал давно. Едва отгремели газеты, пестревшие новостями с фронта, как новый виток ненависти прошелся железным катком по всем участникам того события, что оставило глубочайшие травмы в каждом из нас. Знал ли генерал Брусилев, на что он идет? Определенно. Но ведал ли, какие последствия принесет такое решение? Не думаю. Так или иначе, наступление отгремело согласно срокам и принесло плоды. Австро-Венгрия и Германия осознали наконец, что не являются безраздельными хозяевами войны, и фортуна, наконец, словно в награду повернулась к ним спиной. После кровавых стычек в разных уголках театра военных действий, мясорубка Вердена запомнилась надолго. В ней словно собрались воедино вопли десятков тысяч людей, единым хором взывающих о спасении. Но спасение еще нужно было заслужить.

Мы заслуживали его кровью и потом, но не могли знать, что все в итоге закончится так. Именно в тот день я понял, что такое цена.

Бельгийская граница, г. Ипра. Апрель 1915 г.

Британские позиции укреплены по последнему слову инженерной мысли, но силы врага, сосредоточенные в округе, навевают неподдельный ужас. Среди солдат ходят слухи, что немецкая армия везет новое, смертоносное оружие.

Наша рота была переброшена в окрестности Ипра по специальному указу командующего армией. Задача ставилась конкретная – пятой артиллерийской роте обеспечить огневую поддержку регулярным частям армии британской короны. В день прибытия, нашему командованию сразу предоставили планы наступлений и картографические отчеты, составленные разведкой и геодезистами. Спустя несколько часов, от своих сержантов и адъютантов мы уже знали, какие задачи предстоит выполнять в ближайшее время.

Никто не ожидал, что спустя три дня разразится кровавый ад...

Мы проснулись в обычное время. После скудного завтрака, командиры отправили все основные силы на укрепление оборонительных позиций вокруг нашего расположения. Немного накрапывал дождь, но погода обещала улучшиться к обеду. Приступив к работе, мы катали обтесанные бревна для укрепления траншей, примыкавших к основным линиям обороны, возведенным с помощью бетона и арматуры. Несколько ДОТов обвешали колючей проволокой, в других местах пытались отметить возможные зоны наступления противника, и обозначить их условными сигналами. Это были места, куда в случае начала массированного наступления должны были сосредоточить огонь пулеметчики.

Артиллерийское оборудование устанавливали около окопной линии, пытаясь соблюдать примерное направление по расположению противника. Ожидалось, что к сумеркам полный состав батареи должен вести массированный огонь по вражеским позициям.

Дождь понемногу шел на убыль, подул встречный ветер. Сержант Робертсон, на ломаном французском, попросил меня отлучиться и принести воды. С облегчением я вынырнул из окопа, и помчался к блиндажам, чтобы набрать воды из резервуаров. Мельком я взглянул вперед, за окопную линию. Ветер становился все сильнее, и сквозь помутнение, я разглядел странное облако. Заподозрив неладное, я быстрее вошел в помещение, набрал чистой воды и бросился обратно.

Кошмар начался внезапно. Я услышал еще издали, как душераздирающе вопя английские солдаты бегали по окопам. Голова вдруг стала очень тяжелой.

Я смутно помню, кто вынес меня на себе из этого кошмара. Знаю, что это был боец нашей роты, а кроме того, помню, как сильно он удивился отсутствию на мне страшных ран, которые уродовали практически всех англичан, попавших под химическую атаку на нашей линии. Позднее я узнал, что немцам не удалось закрепить тактический успех, но по факту, неожиданной мерой они разделили союзные войска из одной оборонительной линии в две, образовав «коридор» шириной около двух миль. В итоге, немецкие войска не успели пробиться через брешь, и атака оказалась стратегически бессмысленной. Бессмысленные тысячи жертв, и поломанных жизней. Такова цена за господство на фронте...

Верден, май 1916 г.

Птицы не пели. Уже давно. Выжженная химикатами и огнем земля, несчастная и забытая, пыталась производить травы на свет, но уже не могла справиться с нестерпимой болью, крушащей всю ее внутренность. Несколько танков горели недалеко от окопа, но не было в них ничего дикого и страшного. За два года войны, привычка вьедливо оценивать потери и разрушения сама ушла на второй план, и для этого даже не нужно было заставлять себя забыть картины, вызывающие тошноту, когда ты закрываешь глаза, чтобы поспать хотя бы несколько минут под рогожей, которая несмотря на чрезвычайную плотность, насквозь промокла в грязной воде, смешанной с парами отработанного танкового топлива. И тогда, пытаясь спать под грохот взрывов и гул примитивной авиации, ты молишься, чтобы поскорее закончился ад.

Но он не кончается.

Вы просыпаетесь спустя пару часов, под суровые окрики врача, которая пытается спасти нескольких, глупых и неопытных солдат, которым хватило смелости (или глупости?), попытаться уничтожить стальных монстров, что с недавнего времени зовутся звучным иностранным словом «танк».

Врач бьется в истерике, пытается растолкать хоть кого-нибудь. Это бесполезно. Сталь одолела их. Вся историю человечества, металл становился сильнее плоти. И вот, сейчас, нам кажется, что наконец стал. Сталь, как род металла, теперь убивает нас лучше и больше, чем дерево или камень. Теперь... хрупкость человека вышла на новый уровень.

Луи кричит. Нечленораздельно и прерывисто. Он до конца борется, но сталь внутри него сильнее. Она пожирает его здоровье, как паразит. Врач пытается, пытается хотя бы вытащить из него крупные осколки от танковой обшивки, и все летит к чертям, когда неосторожное движение скальпелем сдвигает практически извлеченный осколок обратно, в рану. Луи отключается, не в силах более сдерживать свое желание поскорее умереть от непереносимой боли.

Я стою и смотрю. Мне больше нечего делать. Спускается ночь, обстрел стих, и кажется, что последние самолеты стихают там же, за горизонтом, где ждут нас неизвестные враги, к которым пишем мы ненавистью.

Но почему? Почему, когда речь заходит о людях, лишенных танков и самолетов, там, в таком же окопе, наш страх сменяется ненавистью? Не значит ли это, что ненависть — сопровождение страха? Его производная?

Нет. Я сразу же отмечаю такие мысли, понимая их неверную природу. Ненависть – действительно принадлежит страху, но она не его производная. Скорее, наоборот.

Почему? Я спрашиваю себя тут же. И нахожу ответ.

Мы начинаем отдаваться страху уже после того, как ощущаем ненависть к объекту. Мы ненавидим его, и начинаем бояться.

Ребенок ненавидит отца, который не жалеет розги, и он боится. Боится не розги, а руки, направляющей ее в те моменты, когда отец готов совершить наказание. Так и среди нас, нет тех, кто боится Красного Барона или командиров Стальных Дивизий. Мы боимся их действий, мы боимся танков и самолетов, но ненавидим мы их. Боимся смерти, но ненавидим тех, кто способен нам ее причинить. Ненависть – мать страха.

Но вот я вижу, что Луи уже свободен от оков реальности. Он умирает, и только крики сестры милосердия прерывают мой внутренний монолог. Я только сейчас, сквозь пелену в глазах, заметил, что эта женщина совсем не врач. Она всеми силами пытается нам помочь, и заменить собой настоящего доктора, которого несколько дней назад поглотила война.

Он стал калекой, и его лечат бывшие коллеги, холят, насколько возможно, в условиях полевого госпиталя на юге. А мы уже забыли о нем совершенно.

Я забыл его, когда доктор Вебер не смог излечить моего друга. Он не смог облегчить его страдания, и Валентин сошел с ума. Спустя несколько дней острого сепсиса, лекарства, наконец, предотвратили заражение крови, но мозг было не спасти. Чрезмерные страдания и адская боль превратили его в овощ, а я... ничем не мог ему помочь. Моя ненависть, вскоре, сменилась болью и отчаянием, а потом превратилась в равнодушие к человеку, которого я посчитал повинным в смерти моего товарища. Но все было не так просто.

Доктор Вебер был человеком, склонным выполнять собственные обещания, вот и в этот раз, после самоубийственной атаки французов, наши потери он оценил трезво, как мог, и пообещал, что никто из раненых не уедет в госпиталь хотя бы до конца недели.

Это значило, что качественная медицинская помощь, которую он мог, и должен был, оказывать на месте, что называется, не отходя от окопа, должна была стать достаточным подспорьем в борьбе с ранениями и болезнями. Мы верили ему, и потому, на какое-то время, переживания и страх покинули наши сердца.

Пока однажды...

– Альбер!!! Доктор Вебер зовет тебя и Луи. То, что мы отошли от основной линии боев, не дает нам времени отдыхать. Ему нужна помощь с ранеными, не хватает санитаров. Пока вы ничем не заняты – идите. Времени уже слишком мало.

Обычно, когда фронт отходил немного дальше, обратно возвращался официальный стиль общения, принятый в армии согласно уставам. Офицеры и унтеры, начинали снова обращаться к нам, согласно званиям и должностям, а также в очень редких случаях использовать имена. Однако, в этот раз, сержант нарушил привычный уклад, отправляя нас на службу в санитарный корпус. Я и Луи сразу почувствовали неладное, но поспешили туда.

Увиденное поразило нас до самых глубин сознания, исторгло оттуда самые низменные и отвратительные эмоции, на которые только способен человек. Луи шатаясь брел за мной, от палатки к палатке, из которых крепко пахло спиртом и препаратами. Возле одной из них, мы по-настоящему ощутили ужас.

Запах гнили, или фекальных масс, который трудно было отделить от фармации, прожег нос. Я заслонился рукавом формы, и даже не заметил, как через несколько шагов Луи остановился. Бессильно прислонившись к непонятной, сколоченной наспех будке, он просто глубоко вздохнул. Несколько взрывов вдали вернули нас в действительность.

– Ты в порядке?

Я четко слышал вдали гул авиации, но даже подумать не мог, что они так близко. Еще несколько взрывов сотрясли землю вдали. Объемный, пронзительный звук, сквозь ночное

затишье долетел до нас в мгновение ока. Было ясно, что это не самолеты. Им еще не под силу возить на себе столь мощные заряды. Аэростаты подозрительно спокойно колыхались там же, вдали, и я подумал, не подводит ли меня слух. Возможно, просто очередной артобстрел. Луи пытался прийти в себя, но лишь сполз по стене вниз, прямо на грязь. Я присел рядом.

– Что случилось?

Он не может ничего сказать, и я понимаю, что это ни к чему. На него так повлияли картины, увиденные в палатках. Что и говорить, даже я, человек привычный к подобному еще в условиях мирной жизни, сейчас, день от дня, превращаюсь в слабоумного психа, пытаюсь уложить в голове все то, что происходит на моих глазах. Даже обучение в таком месте жестокосердия, как медицинский университет, не дало мне достаточно эмоциональной устойчивости перед лицом того, что я увидел на войне. Что уж говорить о Луи, который, едва перешагнув нежный возраст, в восемнадцать лет оказался в окопах? Удивительно, как спустя два года он еще сохранил рассудок, и способность сопереживать своим товарищам. Я даю ему легкую пощечину, пытаюсь привести в чувство, ибо раненые не могут ждать так долго. Каждая секунда промедления равносильна смерти.

Луи не может встать, и я поручаю его своему товарищу, Эмилю, который проходил мимо. Он в недоумении, пытается разобраться, но мне некогда говорить с ним. Я спешу дальше, и наконец добираюсь до палатки, которая довела Луи до такого состояния одним своим запахом. Пытаюсь совладать с ощущением страха перед неизвестностью, я вхожу внутрь. Запах становится гораздо сильнее, но выдержка позволяет мне пройти к доктору Веберу. Он ждал меня.

– Где Ваш друг, Альбер? Почему он не пошел дальше? Господин сержант придумал ему новое поручение? Если так, то я поговорю с ним. Санитары нужны как никогда, во время этого ночного затишья. Мы должны успеть оказать помощь как можно большему количеству людей.

Я смотрю в его глаза, и понимаю, что уверенность этого человека не смогло поколебать ничто. Готов поспорить, что даже во времена страшных фронтовых новостей, о применении на Ипре химических средств уничтожения, доктор Алоис Вебер даже не повел бровью. Он вообще очень интересная фигура. Когда я задумываюсь об этом, то вопросы, вызванные неподдельным любопытством, рождаются сами собой в моей голове.

Его настоящее, естественное бесстрашие не вызывает у меня вопросов, я уже встречал таких людей в своей жизни. Интересно другое.

Доктор Алоис был родом из Саксонии, но в раннем детстве родители переехали вместе с ним в городок Кёль. Мать, кровная француженка, стремилась быть как можно ближе к родине, и в итоге, обосновалась с мужем на берегу Рейна, который естественной границей разделял два государства.

После 1871 года, который был знаменем мировой слабости Франции, понемногу возобновилась социальная интеграция среди двух государств, но тем не менее, брак немца и француженки считался маргинальным. Маленький Алоис от этого страдал слабо, хотя дети, как известно, бывают достаточно жестоки. Несколько раз он дрался насмерть с малолетними обидчиками своей матери, имевшими наглость назвать ее французской шлюхой, а то и чего похуже...

Как бы там ни было, около 1903 года Алоис поступает, с третьего раза, в медицинский университет Страсбурга. Его обучение проходит там довольно гладко, даже слишком для сына немца. Воистину, человеческие предрассудки не имеют границ. А из предрассудков, как известно, очень часто произрастает ненависть.

В 1910 году, как мне рассказал сам доктор за миской полевой каши, он был распределен на работу, и успел лишь войти в практику, как война выдернула его из привычного уклада жизни. Как практикующий доктор, он был отправлен на фронт, и первые же дни боев окрасили все его существование неодолимыми потоками крови и жестокости. Алоис окреп уже на фронте, восполнив недостаток цинизма военными буднями. Профессиональная карьера

врача сложилась для него в единую мозаику, но для успешного будущего нужно было пройти самое серьезное за его жизнь испытание – мировую войну.

Железным катком, она прокатилась по всему его существованию, когда после очередной успешной операции, в 1915 году он прочел в письме, что мать скончалась от болезни. Это подорвало силы доктора на достаточный период, чтобы он впервые за свою практику вынужден был остановить любую работу.

Тогда, лишь приказ вышестоящего руководства, и отеческое напоминание последнего, что от его работы зависят жизни многих десятков, если не сотен бойцов, вернуло доктора Вебера к действительности. Он снова приступил к своим обязанностям, но с гораздо меньшим рвением, чем прежде. С этого момента даже смерти на его операционном столе, пусть и редкие, уже не вызывали в нем тех же чувств, что и ранее. Маленький Алоис, понемногу, начал превращаться в большого циника.

Спустя год после трагедии, его отношение к работе восстановило частицы бывшего пыла, и он стал гораздо более внимательным. Но прежнего отношения доктора к медицинской практике вернуть не удавалось никак. Я и Луи познакомились с ним уже в Вердене, куда его перевели не более двух месяцев назад. Доктор Алоис попал к нам по Бар-ле-Дюку, который связал линию фронта со столь необходимыми линиями снабжения после проведения русскими Нарочской операции. Теперь он уже был за своего, и, в отличие от многих офицеров, даже на фронте гнушавшихся разделить с солдатами трапезу, или долгий разговор сквозь военное затишье, всегда старался сойти за своего. Его можно было не любить, но ненавидеть – нельзя.

А я смог так поступить. Когда случилась беда с Валентином, я смог почувствовать ненависть к доктору Веберу. Мне тогда показалось, что он сделал недостаточно, чтобы вытащить моего друга из бездны безумия. Алоис лишь пожал плечами, когда я, будучи разгневан и обижен на судьбу, почти крича спросил его, почему Валентин, которому едва исполнилось двадцать два, обречен теперь влачить жалкое существование умственного калеки. С того момента, я сам стал искать все возможные способы обратить эти изменения.

Доктор Вебер возится за столом, он снова что-то ищет. Скорее всего, заработавшись с очередным пациентом, он снова забыл, куда отложил необходимые для работы бумаги. Несмотря на катастрофическую близость фронта, волокита и бюрократия нашей армии никуда не делась, и даже полевые врачи тратят уйму времени на то, чтобы сделать подробный отчет, или записать всех принятых солдат, начиная от больных простудой, до расплосованных осколками снарядов.

Я молчу, и сижу в углу его личной палатки. Пытаюсь пить то подобие чая, что иногда бывает у нас. Термос доктора, приобретенный им во время поездки к родителям, настоящее чудо немецкой инженерной мысли. Он позволил мне осквернить его армейским пойлом, но я не чувствую перед собой вины. Теперь мы с ним стали еще ближе, несмотря на серьезную размолвку. Я не мог знать, что спустя неделю этот врач, давший клятву Гиппократу, не способен будет спасти моего друга. А еще через две станет инвалидом по нелепой случайности. Тогда же погиб и Луи. Я явно почувствовал, что такое цена. Цена поступков, действий, решений, и слов. Незадолго до ранения доктора Вебера, я лишь грубил ему, и внутри себя считал повинным в «смерти» Валентина. Но, теперь его нет, а роль доктора в этом кровавом театре под именем «Верден», играет сестра милосердия Жозефи.

Я снова нашел в себе силы открыть дневник только через месяц. В июне 1916 года.

Госпиталь, июнь 1916 г.

Я даже не знаю, где точно нахожусь, но наконец у меня появилось время написать несколько строк. Сумасшедший ритм войны выбивает из колеи, и я не могу думать ни о чем, кроме цели своего выживания. Сегодня двадцать пятое, и не более трех-четырёх дней назад

мы все были на волоске от полного поражения. Позавчера немцы были отброшены, но форт Во, в придачу к уже оккупированным землям около Дуамона, фрицы оставили при себе. Я едва не погиб, когда пытался помочь артиллеристам, и вражеская атака пришилась на наш участок практически со всей своей чудовищной силой. Стальная машина Германии смяла нас, как отработанную бумагу, и скоро разорвет на части. Мы сдержали солдат противника на подступах, но потери просто чудовищны. Как сказал бы доктор Алоис, пришло время заказывать гробы вместо коек, настолько велики были каждодневные потери. Ко всему прочему, не прекращались вспышки заразных болезней, которые через окопы передавались очень быстро. От сыпного тифа страдали все, и немцы, и французы, англичане и русские, и в этом мы были едины. Все мы были хрупкими людьми.

Я подцепил тиф незадолго до немецкого отступления, и врачи, прибывшие примерно в то же время, считали, что жизнь моя в опасности. Но, как ни парадоксально, иммунитет, истощенный за несколько лет войны, лишений и недоедания, смог справиться с болезнью, и к окончанию неудачной операции немцев, я пошел на поправку. Сейчас, даже могу держать в руках карандаш.

Тиф вытащил из меня последние силы, выжал досуха, словно лимон, и теперь я переправлен в расположение стационарного госпиталя. Медсестры чрезвычайно добры, и ухаживают за мной не хуже родной матери. Я быстро поправляюсь, но в моем возвращении на фронт лечащий врач очень сомневается. Мне жаль думать об этом, ибо всех своих друзей я оставил там, по ту сторону жизни. Переправка подальше от окопной жизни, по замыслу наших штатных докторов, должна была пойти на пользу моему выздоровлению. Организм нуждался в поддержке, хорошем питании и отсутствии стресса. Успокоившись, я уже привык к содержанию в госпитале настолько, насколько это вообще возможно. Сестры узнавали меня, но у них даже ночью не было времени, чтобы побеседовать на долгие темы. Мне очень не хватало компании, но делать было нечего. Краем уха я слушал, что говорят о фронте, и смог узнать много интересного для себя. Так, доподлинно стало известно, что русские уже около месяца теснят немцев и их союзников на своем фронте, под командованием генерала Брусилова, и это здорово помогает нашим войскам держать оборону до последнего. Антанта наконец выходит на новый уровень ведения войны, и это не могло не радовать. Правда, стоило мне задуматься чуть глубже, в голове всплывали образы фронта и войны, и ощущение легкости, которое пыталось сопроводить меня с момента выздоровления, куда-то улетучивалось. Жадно отлавливая крохи любой информации, я искал хоть кого-то, кто был при Вердене в той же роте, что и я. Но никого не было.

Я уже почти отчаялся, как вдруг солнечным утром, 30 июня, спокойную доселе палату сотряс дикий выкрик...

– Альбер!!! Старый артиллерист, как твои дела?

Я не мог поверить своим глазам. На пороге, с перебинтованной половиной головы, и с гипсом на обеих руках, стоял неунывающий Эмиль. Он явно был рад видеть меня, но скрыть болевые ощущения оказывалось труднее, чем он предполагал. Было видно невооруженным глазом, как его улыбка время от времени переходит в гримасу оскала, а он этого даже не замечает. Я не стал заострять внимание на столь мелкой детали. Мы встретились здесь, в этом мире боли и одиночества. Остальное было неважно.

Я пригласил его присесть на мою койку, и он тут же приковылял. Улыбка немного ослабла, и в его потухшем взгляде явно читалась тоска и уныние. Но не таков был Эмиль, чтобы в момент такой встречи позволить себе расклеиться. Переборов болевые ощущения, он снова нашел силы улыбнуться до ушей.

– Здравствуй, старый товарищ. Вижу, тифу тоже не удалось свести тебя в могилу. Как ты чувствуешь себя, после месяца болезни?

– Я болел гораздо меньше, дорогой Эмиль. Но спасибо за вопрос, сейчас мне гораздо лучше. Что произошло, почему ты здесь, еще и в таком виде?

Я уже догадывался, связав события последних дней, почему в госпиталь, среди сотен поступающих, и выписанных не было ни одного из нашей роты. Догадка мучила меня все то время, какое я был не в бреду, и теперь ключ к знаниям сидел рядом, пытаюсь выдавить улыбку искренней радости сквозь нестерпимую боль. Нетерпение мое, казалось, начало сочиться наружу. И Эмиль, похоже, заметил это.

Как всегда, чуткий, и порой не в меру эмпатичный, он снизил голос до полупшепота.

– Когда тебя увезли, зверства тифа обострились. Рота ложилась, медленно, но верно. Один солдат за другим. Но это было только начало.

Я слушал, затаив дыхание. Моя догадка подтверждалась все сильнее, с каждым словом и доводом Эмиля. Многим знакомо ощущение, когда ты всем существом осознаешь свою правоту, и связанную с этим эйфорию, которую бывает очень трудно объяснить рационально. С минуты на минуту, это знакомое чувство, должно было снова охватить и меня.

– Немцы начали наступать снова, я думаю, об этом ты осведомлен. Они прошлись по нашим территориям, как саранча. Саранча, вооруженная Маузерами, и закованная в стальные кирасы. Форт Во сдался быстро, я бы сказал, слишком быстро. Они пытались бороться, но общая измотанность и тяжелая ситуация сделали свое дело. Немцы продвинулись, хотя и незначительно.

Об этом я знал из разговоров врачей. Знал также и то, что Эмиль намеренно растягивает рассказ. Как будто поэт, или писатель, он пытается подвести все к кульминации, и оставляет самое интересное «на потом». Он хочет, прибив меня к земле скорбными вестями, закончить все новостью, что немцы отброшены, оставив за собой Во и Дуамон, они отошли к начальной диспозиции, а мы, победившие в этой схватке, живем и ожидаем нового витка событий.

Я ошибся.

– Несмотря на все это, – заканчивал рассказ Эмиль, – нашу роту ничто не спасло. Те, кто мог стоять на ногах, поддерживали другие формирования в бою, а остальные... оказались больными, невольными заложниками ситуации. Пятой артиллерийской роты больше не существует, Альбер. Мы с тобой – двое, кто остались.

Я молчал. Тягостно, неловко. Да и что сказать человеку, который, потеряв в одночасье всех товарищей, деливший с ними стол и кров, теперь пытается улыбаться? Сказать мне было нечего. В мире войны, отныне, он был моим единственным родным человеком, не считая Валентина, скованного болезнью. К тому же, Валентин почти наверняка был комиссован, и отправлен вглубь страны. В одну из ужасных, беспросветных клиник, где таких как он кормили баландой, и оставляли примотанными к кровати с помощью бинтов...

Эмиль заметил перемену в моих глазах. Попытался похлопать меня по плечу, и я видел, что он сделал это неслучайно. Обычно он избегал ситуаций, в которых изображал комика, но сейчас я видел, что он делает это ради меня. Нарочито, неловко. Но это было не важно. Эмиль даже нашел силы рассмеяться в свой полголоса.

– Ох, прости! Я же не могу даже обнять товарища. Проклятые немецкие осколки.

– Прости за столь болезненный вопрос, Эмиль, но мне и правда важно знать... Каковы прогнозы врачей на твое восстановление?

Он отрицательно помотал головой. Бинты на ней держались, но не слишком крепко. От этого создавалось впечатление, что на Эмиле надета чалма, связанная с одного бока.

– Я не знаю, друг. Некоторые говорят, что я обязательно восстановлюсь, другие... что моих рук мне уже не видать. Одно я знаю точно... – он не улыбался. – на фронт нам с тобой нельзя. Да и не за чем.

В чем то, я его понимал. Хотя, год назад, если бы кто-то сказал, что война не имеет смысла, я бы убил его лично. Прямо в окопе. Среди солдат, приверженцами левых партий,

предпринимались попытки саботажа и расстройств боевого духа, путем пропаганды бессмысленности военных действий. Я сам неоднократно слышал их, но не обращал большого внимания, считая проявлением трусости, присущей коммунистическим течениям. Каждый из нас считал, что он не подвергнется воздействию таких речей, и как только выдастся реальная возможность, проявит в себя в бою настолько хорошо, что вернется домой национальным героем. Но реальность оказалась куда более прозаичной.

Мы говорили с Эмилем еще около часа. Стало ясно, что рота погибла по халатности командования. Благодаря разведке, даже бойцы знали, что обстрел придется на участок, где мы выполняли строительный ремонт укреплений. Но командиры пропустили все предупреждения. Сделали они это намеренно, или по глупости, я не узнаю никогда. Но то, что количество случайных погибших пополнилось еще сотней человек, я знал наверняка. Люди, пережившие столько ужасов, пали жертвами равнодушия...

Верден, декабрь 1916 г.

Я проболел несколько месяцев. Многие строки дневника я успел написать, пока отлеживался в палате, но они не стоят того, чтобы войти в этот труд. То облегчение, которое пришло ко мне практически через неделю после заражения, когда я обсуждал с Эмилем наши дела, было обманчивым. Болезнь съела меня дальше, и спустя еще неделю я снова слег. Врачи отметили, что впервые видят такое странное поведение распространённой болезни, которую они знают давно. Тем не менее, нужно было что-то делать. Снова курсы лечения, бесконечные лекарства, едва питательный бульон, который мне совершенно не хотелось... Курс восстановления затягивался, прерванный рецидивами. Осенью, я узнал, что операция генерала Брусилова и русских, увенчалась триумфом. Австро-Венгрия и Германия ослаблены, натиск на Верден достиг своего минимума, с момента начала операции. Рецидивы прекратились, я снова ощутил облегчение, как и тогда, в разговоре с Эмилем, но реакция моего организма заставляла меня задумываться. Даже на моих глазах, большое количество людей не перенесло болезни. Я не только выкарабкался, но и за это время перенес еще два рецидива. Врачи даже дали мне прозвище...

Однажды, мне удалось побеседовать с доктором Жюлем Мюрье. Он заведовал терапевтическим отделением, куда меня решили перевести для процесса восстановления. На вопросы он отвечал уклончиво, пытался перевести тему. Было видно, что кроме общей занятости, ему было просто не очень приятно говорить на эту тему. Почему, для меня было загадкой, хотя решение этого ребуса пришло ко мне гораздо позднее.

Эмиль практически потерял свои руки, и как ни старались, врачи не смогли вернуть им полную подвижность. Он отщучивался, говорил, что теперь похож на мельницу со сломанными крыльями, но было видно, что боль скрывать ему удается все труднее. Оно и не удивительно – душевная боль в десятки раз сильнее физической. Эмиль сломался изнутри, и, хотя я почти не видел его, приходящим из хирургии, мне было очень больно осознавать это. Я на расстоянии чувствовал, что человек не сможет смириться с такой потерей. Однажды, он признался мне, что его посещали мысли о самоубийстве. Отчитав его, я понял, что не прав. Я не перенес таких же страданий, как он, и потому не могу осуждать его выбор. Последними моими словами в том разговоре было, что он волен поступать так, как подсказывает ему сердце. Он поблагодарил меня.

На следующий день его не стало...

В коридорах было подозрительно тихо. Я передвигался с трудом, ковляя, но слабость в том виде, в каком я познал ее в самом начале, уже давно ушла. Сестры милосердия были на ногах, как и всегда в это время. Врачей я тоже видел, но далеко не всех, из тех что знал. Ощущение беспокойства не покидало меня, и я обязан был выяснить, почему. После двух лет на фронте, я понимал, что человеческий организм немного сложнее, чем мы привыкли

о нем думать. Привычка настолько глубоко укоренилась во мне, что я стал обращать внимание на свое состояние практически постоянно. Оно стало внутренним барометром, в какой момент необходимо действовать осторожнее, в какой – задуматься о причинах беспокойного состояния. Одно я знал точно – такое состояние не наступает просто так.

Вот и сегодня, я продолжал уныло брести по коридору, когда звонкий, высокий крик сестры вырвал меня из состояния апатии. Насколько возможно, я ускорил шаг, и оказался в очередном пролете здания. Сестра пронзительно вопила, не решаясь войти внутрь помещения. Ощущая нешуточный прилив героизма, я прошел перед ней, и остановился как вкопанный.

Под потолком, зацепив веревку под изукрашенную люстру, висел Эмиль. Он был похож, в этот момент, на повешенного военнопленного. Вот только в плен его захватил не враг, а сама жизнь...

Я совладал с собой, и пошел вперед, с усилием переставляя ноги. Даже перед смертью, Эмиль с достойным немца педантизмом заправил каждый поясок на больничном халате, и только стопы, распрямленные к низу, оставил открытыми. Я дотронулся до него...

Причина беспокойства ушла. Я наконец-то понял, почему всю ночь не мог уснуть. Видимо, благодаря внутренней связи между такими боевыми товарищами, как я и Эмиль, я чувствовал, что этой ночью, в заброшенном чулане, он подготавливает все, чтобы лишиться страданий. Навсегда.

Руки были лишены бинтов, из чего я сделал вывод, что он сам их снял. Приглядевшись, понял, что даже веревку он плел сам, из остатков бинтов и льна, найденного на складе во время помощи врачебному персоналу. Теперь, я сам видел безобразные шрамы от шрапнели и осколков, покрывающие его предплечья до самых локтей. Не скрыть было и чудовищные повреждения локтевых суставов, которые неправильно срослись. Истеричные всхлипывания сестры позади, выдавали в ней практикантку. Я обернулся.

– Вы давно его нашли?

Слабое отрицательное движение головой. Девушка не понимала, что происходит. Возможно, это была первая смерть в ее жизни. Снова жизнь заставила задуматься о том, сколь разными бывают людские судьбы. Ей на пару лет меньше, чем Эмилю, который успел уже почувствовать на себе все тяготы войны. Он видел, как и я, такое количество смертей, что вид чужого, незнакомого трупа не способен вызвать у нас ничего, кроме равнодушия. Война равнодушна, и с радостью передает эту особенность тем, кто в ней живет.

Спустя минуты, я уже снимаю друга из петли. Девушка закрывает лицо руками, и даже когда старшая по корпусу пытается с ней заговорить, слышны лишь нечленораздельные рыдания. Помогая санитарам аккуратно уложить тело Эмиля на носилки, я слышу, как пара врачей обсуждает профпригодность новых сестер, и понимаю, что равнодушна не только война. Жители мира тоже бывают такими.

К вечеру я обессилен. Скрываемые переживания вытягивают силы не хуже открытых. Если не лучше. Койка не кажется жесткой, как во время болей по всему телу, но мне нестерпимо больно в другом месте. Мысли сверлят мозг, и абсолютно не дают покоя. К двум часам ночи я поднимаюсь, пытаюсь найти уборную. Найдя, вваливаюсь туда, едва не ломая двери, и пытаюсь удержать равновесие. Только спустя столько часов я понял, как дорог мне был Эмиль на самом деле. Война так и не сумела сделать меня равнодушным до конца. И цена за это – нестерпимая боль.

Верден, конец 1916 г.

Мы все подавлены и уничтожены. Морально.

Германская империя, учитывая внутренний кризис, а также социально-экономические процессы, вызванные войной, подала прошение о мире, обращаясь ко всем державам, вовлеченным в войну в качестве противников.

Один из видных политических деятелей Франции, премьер-министр Жорж Клемансо, пресек любую попытку переговоров на корню, подрывая наши надежды о скором окончании войны. Уверен, что в голове каждого из нас, гнойным червем закрались мысли, что политикам выгодно долгое кровопролитие. Опора Франции, доблестные солдаты, не знающие упреков и страха, теперь все чаще слушали подрывные речи политических популяризаторов, количество которых увеличилось в геометрической прогрессии со времени перелома. В их словах есть холодная, расчетливая логика, но я ей доверяю. Многие выводы просятся на язык сами, после действий нашего правительства.

Каждый спрашивает себя – почему люди, многие из которых ни разу не нюхали пороха и вонь трубухи убитого товарища, осмеливаются принимать подобные решения? Я же настолько очерствел, что даже наедине с собой, в этих страницах, не брезгую ругательствами, и употребляю уничижительные эпитеты относительно тел убитых товарищей. Что же война делает с нами? Думаю, господин Клемансо не понимает, как его решение отразится на всем на самом деле. Возможность вернуться в Чистилище была так близка, а мы продлеваем свой ад молчаливым попустительством. Как я надеюсь, что потомки не станут допускать подобных ошибок.

Западный фронт, май 1917 г.

Мы вошли в новый год преисполненные печали. Верден, который мы отстаивали с таким трудом, наконец закрепился в наших руках полностью, но после решения Клемансо, и всего мирового сообщества о продолжении военных действий, радость была омрачена. После нескольких удачных операций русской армии, австрийская коалиция решила не предпринимать опрометчивых шагов. Они практически истощили свои военные ресурсы, оказавшись на грани голода и тотальной нехватки боеприпасов. Необходима была перегруппировка войск, распределение сил по открытым фронтам, и удержание хотя бы тех областей, где закрепление военной силы было надежным и проверенным временем. Но Германская империя понимала, что в данных условиях сделать что-то подобное достаточно эффективно ей просто не под силу. Они были истощены.

В начале февраля, новая угроза нависла над всеми нами. Германия, загнанная в угол в течение второй половины тысяча девятьсот шестнадцатого – первой четверти тысяча девятьсот семнадцатого годов, пошла на циничный шаг. Империя объявляет для всех неограниченную подводную войну, решаясь топить гражданские суда в обход всех норм и правил, активно применяя новое веяние судостроения – подводные лодки.

Ощущая растущую угрозу, а также принимая во внимание опасность, исходящую от такого решения, США присоединяются к мировому конфликту на стороне Антанты в апреле текущего года. Радости наших солдат нет предела, ибо ощущение поддержки и прибавления силы союзников – непередаваемо. Смена настроения ощущается всеми, и даже офицерами.

От моей болезни не осталось и следа, и я полностью восстановился. После гибели роты, меня распределили в другой полк с повышением должности. Теперь, я чувствую, будто мне все по плечу, и странное, окрыляющее чувство наполняет меня день ото дня.

Несмотря на это, про войну забыть никак нельзя. Фронт все еще близок, и до победы очень далеко. Кроме того, нельзя было не замечать, что коммунистические настроения в Российской империи набирают большую силу. В марте этого года, попытка революции в России увенчалась успехом. По слухам, которые до нас доходят, теперь там учреждено Временное

правительство, сосредоточившее в своих руках всю полноту власти над страной. Для театра военных действий это означало одно – ослабление военной мощи русских. Они практически выведены из игры, и к лету, я боюсь, активно помогать нам будет только Новый Свет.

С продовольствием ситуация стабильна, благодаря принятой в нашей армии системе. Несмотря на жизнь впроголодь, родственники, родители, жены и дети многих моих товарищей стараются собирать в посылки все, от чистой, здоровой картошки и моркови, до сыра и свежего вина. Питаемся мы гораздо лучше немцев, это я хорошо понял после освобождения одного из небольших фортов. Казалось, на складах отложены бесконечные запасы брюквы, подчас червивой. Но им не приходится выбирать. Страна истощена долгой и малорезультативной войной, гражданские находятся на грани голода. Солдаты, в очередной раз, оказались жертвами преступной, эгоистичной политики.

Мы уже не ненавидим их. Теперь, когда они пали жертвами своих же правителей, нам их даже жаль. Многие пытаются сдаваться в плен, и я не могу их винить. Идеалы поколеблены, а после отказа в мирном договоре, они все больше напоминают мне крыс, загнанных в угол крысоловом.

Я снова задумываюсь о том, что рассматривал еще в первых строчках дневника. Вместе с ненавистью ушел и страх, теперь мы не боимся вчерашнего врага. Отчасти, мы даже пытаемся им сочувствовать, за что получаем нагоняй от командования. Хотя, что и говорить, они тоже все прекрасно понимают.

Действия увязли, словно в топком болоте, и теперь война напоминает скорее перетягивание каната, чем настоящую бойню, какая разразилась менее года назад. Я удивляюсь себе, и своим товарищам, которые словно скучают без жестокой бойни. Аморфное состояние фронта, понемногу, передается всем присутствующим.

– Ну и какая разница, Альбер? Вот объясни мне, какая разница, как именно будет называться Россия после революции? Нам нужно думать о другом. Если рабочие действительно будут делать все, для установления пролетарской диктатуры, поток беженцев просто смоем нас.

– Почему именно нас? – в разговор вклинился новобранец, прибывший в Верден за пару месяцев до конца обороны. Кажется, звали его Анри.

– Не влезай в разговор, салага. Твое дело – готовить ужин.

– Я и готовлю. – насупившись, ответил юноша. – Просто мне интересно, как там, в России. Однажды, в Париже, я видел русских. Кажется, они принадлежали к очень высокому сословию.

– Несомненно. Именно глубокое социальное расслоение, как в свое время и у нас, побуждает людей создавать и начинать революции. Вот наступил и черед русских.

– А почему вы считаете, господин Круа, что оттуда хлынут беженцы? Да еще и потоком?

– Все по той же причине. – Жан-Мишель Круа показал пальцем на восток. Анри послушно повернул голову, а потом вопросительно взглянул на него.

– Не верти головой. Этот жест просто нужен был для визуализации разговора. Итак, о чем я.. ах, да. Понимаешь ли... до войны я работал в месте, где учат думать, и анализировать полученную информацию, потому я могу сказать с уверенностью, что на Востоке произойдет все то же самое. Разница в сословиях сыграет свою роль, и вчерашние рабы станут выгонять из своей новой страны бывших господ. Так было и у нас, и всю историю человеческих государств. С чего же мне думать, что в этот раз что-то изменится? Кроме того, русская интеллигенция еще до Наполеона тяготела к французской культуре всем сердцем, а потому наша страна – одно из немногих мест, куда возжелают бежать все, кто хоть как-то причастился к высокой культуре нашей родины.

– И Вы так спокойно говорите об этом? Рушится одна из ведущих держав, война не заканчивается, а если кровавая революция захлестнет Восток, то поток беженцев будет просто

неостановим, и тут я бесконечно с Вами согласен. Как же можно, в таком случае, хранить такое хладнокровие?

– Мальчик. – Жан-Мишель протянул ему свою фляжку. – Наше беспокойство ничего не изменит. Если бы мы беспокоились, то стали бы подобны ребенку, который пытается остановить ветер дыханием. И именно сейчас, учитывая всю ситуацию, нам не позволительно так себя вести. Нужно верить в лучшее, но держать ухо востро.

Несмотря на воодушевляющие нравоучения, я видел, что Жан на самом деле не хладнокровен. Он, как и я, прекрасно понимал, что подорванная войной экономика Франции не сможет обеспечивать всех в должной мере. И любой расклад событий будет катастрофой.

В случае, если наша страна, принимая беженцев и иммиграцию, попытается оказать им посильную финансовую помощь, экономика в социальной отрасли рухнет окончательно. Мы останемся на грани вымирания, вместе с тысячами мигрантов. Возрастет криминальная опасность, взлетят цены на самое необходимое. Неминуемым окажется экономический кризис, который уже сейчас, подобно болонке, грызет нам пятки.

В обратной ситуации, будет сохранено небольшое, в масштабах страны, количество денежных средств, но рост преступности и нелегальных рабочих предприятий окажется еще более реальной угрозой, чем экономическое провисание. Прав он был в одном – сделать ничего нельзя. Хотя, будь ситуация другой, я бы просто верил всем сердцем, что Россия переживет смену формы правления как можно более бескровно.

Я снова очень глубоко ошибался.

Западный фронт, июнь-июль 1917 г.

Письма ко многим моим товарищам вызывают нешуточные споры и настоящую тревогу. В нашей обожжаемой Франции начались стихийные, антивоенные митинги. Огромное количество факторов, что подталкивали мирное население начать действовать подобным образом, были очевидны для всех. Для всех, кроме правительства.

Судя по слухам, доносившимся из все тех же писем, Германия бурлила не меньше. Мировая война, первая в истории, изматывала, уничтожала судьбы и надежды миллионов людей. После неудавшейся попытки заключения мира, ситуация обострилась повсеместно. Два утомленных зверя пытались одолеть друг друга из последних сил, но на самом деле, лишь только уставали еще больше.

Ситуация усугублялась все более, благодаря позиции «новой» России, правительство которой, все более становясь марионеткой в руках новой политической силы, принимало решение за решением, ратующими за продолжение «революционной» войны. Правда, пока официальных заявлений на этот счет не было, и потому причины для беспокойства могут оказаться надуманными.

Я не спал уже три ночи подряд. На фронте довольно тихо, но мысли не дают мне оставаться в покое. Кроме того, настроение портится от осознания, что до конца еще очень далеко. Пришли новости, что Греция вступила в войну на нашей стороне, правда, военная мощь последней вызывает у меня большие сомнения. Время идет, но грозный немецкий зверь, пылая пламенем и обрастая сталью, сдаваться совершенно не собирается. После разгромных побед над русскими, кажется, будто немцы снова набрали силу, хоть я и знаю, что страна готова разлететься по швам с минуты на минуту, а русские совершенно растеряли дисциплину и мотивацию. Теперь, велика вероятность повторения событий прошлого года, а я совершенно не желал бы вернуться во второй Верден.

От мыслей мурашки по коже. Пытаюсь совладать с собой, но снова погружаюсь в пучину измышлений. Становится не по себе от понимания той ноши, какую несут на себе встреченные нами русские офицеры. У многих из них есть семьи на родине, и сейчас, должно быть, они думают, насколько хороши у них дела. Представить страшно, чем может закончиться для них революция. Если до нее дойдет. Низложение монарха — это серьезный, но лишь

первый шаг. Официально, Россия теперь находилась в состоянии вотчинной державы, ожидавшей официального назначения нового государя. Как я понял из разговора с Михаилом Поповым, фамилия которого оказалась для меня поначалу сложной, и я с позволения старшего перешел на ласковое «Мишель», Временное правительство России пока не готово к резким переменам, и потому, исполняя необходимые административно-правовые функции, не спешит брать на себя чрезвычайные полномочия, и потому избрание монарха лишь дело времени. От лица народа, должно провести действия учредительное собрание.

По всему лагерю также слышно, что английские союзники готовят новую операцию в окрестностях Ипра. Воспоминания об этом ужасном месте снова заставляют меня съежиться. Вечерняя прохлада только добавляет ощущение холода, и я закутываюсь в рогожку крепче. Нужно поспать. Хотя бы немного.

Западный фронт, конец сентября 1917 г.

Недавно, мне довелось встретиться с членами экспедиционного корпуса. Русские ведут себя мирно, иногда даже слишком. Возникает впечатление, что дружелюбие это напускное, но узнав людей поближе, я понимаю, что им просто бывает тяжело скрывать истинные эмоции, даже под маской вежливости. Но, за то, эти люди чрезвычайно искренни, и, если они заявили о дружбе, будь уверен – так оно и есть.

Тем удивительнее, как им удается сохранять такое состояние собственной души, после непереносимого количества лишений и трудностей? Пусть офицерский состав не так ограничен физически, как мы, простые солдаты, но их моральная нагрузка подчас в разы сильнее нашей. Колоссальная ответственность, вкупе со страхом показаться излишне сентиментальным и трусливым, налагает на них соответственный отпечаток, превращая среднестатистического офицера в садиста и циника, если смотреть глазами солдата. На деле, если копнуть в проблеме немного глубже, оказывается, что ничто человеческое не чуждо командирам, не исключая и простых слабостей. А потому, обвинять их в излишней жестокости, по меньшей мере несправедливо. Они тоже страдают, вдали от родственников, родителей, и семей, неся бремя ответственности за действия каждого из нас, и потому порой принимают излишне жесткие или непродуманные решения. Я хорошо осознал это, когда мне довелось пообщаться с русскими из экспедиционного корпуса.

Я и Жан-Мишель часто ходим в ту часть полевого лагеря, где располагаются присланные роты. Русского я не знаю, но по интонации, можно точно прочитать эмоции говорящих. В основном, обсуждают революцию и окончание войны.

В один из тихих вечеров, Жан-Мишель заметил несколько русских офицеров. Они были немного пьяны, и двигались в сторону своих палаток. На ломаном русском, он попытался их остановить. Любопытство всегда брало у него верх над здравым смыслом, и даже четверка пьяниц с саблями не остановила моего недалекого друга-академика.

Офицеры от души посмеялись наивному французу, но, к моему удивлению пригласили и его, и меня, подоспевшего «на выручку» за небогатый, но по-русски щедрый стол. Не ведаю, откуда взялись у них еда и выпивка, учитывая часть слухи о сухом законе в Российской армии, но факт был и остается – нас приняли, как дорогих и долгожданных гостей.

– Вот когда император, да будет преславно его имя, подписал отречение... тогда и пошло все псу под хвост. – декламировал русский, потягивая из фляжки напиток. Что там было, оставалось для меня загадкой, так как, за активным разговором попробовать его мне так и не довелось. Только собравшись спросить о ситуации в стране, а также попросить фляжку, промочить горло, я растерялся. Офицеры заметно погрустнели, после вопроса Жан-Мишеля о фронте и солдатах.

– Дисциплины в них нет. Вся ушла туда, в страну. И я не могу их винить. Теперь, когда государь даже номинально не управляет нами, присяга становится малодейственной. При-

сгать же Временному правительству хотят далеко не все. Многие в недоумении, монархия была для них гарантом спокойствия, символом величия государства. Теперь они все ослаблены. Социалисты, и всякого рода сброд подрывают все политические и социальные устои. Из-за этого, немцы легко перевели дух на Восточном фронте, и последняя наша операция обернулась крахом.

– Что произошло?

– Дезертирство и бездарное командование. Вот что произошло. После описанных моим другом событий, солдаты совершенно отбились от рук. Не в обиду вам будет сказано, но солдат без палки – хуже мула во время гона. А палки сейчас нет, так как даже юридически солдаты обязаны подчиняться лишь командирам поместно, руководствуясь уставами. Присяга их не является закрепленной. Многие из них, конечно, не понимают этого на почве безграмотности, но проблема не в этом. Командиры, такие же как я, Андре, или Жан, понимают все слишком хорошо. И также не обязаны исполнять приказов Временного Правительства. То, что мы до сих пор на плаву, заслуга Главного штаба. Только лишь.

– Не пори ерунды, Жорж. Солдаты многое сделали, и делают для фронта. Командование же только подталкивает их к дезертирству и предательству своими действиями. Будь мы на их месте, ночуя в окопах с крысами, и поедая отбросы, ты бы заговорил иначе.

– Холоп на Руси никогда не жил хорошо.

Последнюю русскую фразу, сказанную с нажимом, сквозь пьяный тон, я не понял. Заметил лишь, что реакция двух офицеров изменилась. Они посмотрели на третьего. С явным укором. Четвертый больше молчал, но видно было, что дается ему это с трудом.

– Ну посудите сами. После отмены крепостного права, многое объективно изменилось. Зачем служить, если обрел независимость? Пусть она еще далеко не полная, но человек чрезвычайно зависим от своих желаний. Получив крохи свободы, они хотели еще и еще. В конечном счете, благодаря дедушке, государь лишился престола.

Четвертый офицер вскочил, и схватил саблю с импровизированного стола. Я не расслышал последней фразы, но даже глупец додумался бы, что для этого человека она оказалась чересчур оскорбительной. Двое других встали между ними, своими широкими плечами закрыв мне обзор на происходящее. Слышно было лишь незнакомую мне, грубую и сильную речь.

– Щенок. Положи саблю, пока не поранился.

– Да руки об тебя марасть не охота, гнида! Чтоб ты знал о жизни крестьянской, барчук! Как ты рассуждаешь о свободе, не зная, что такое ярмо?

С яростью растолкав товарищей, юный командир вышел, трясаясь от злости. Один из офицеров повернулся ко мне и Жану.

– Мне очень жаль, что вы стали свидетелями столь неподобающего поведения двух моих соотечественников. Что ж, и в этом, полагаю есть своя польза. Ваня, – странное русское слово ласкало слух, я знал, что это одна из форм имени, когда хотят показать, что воспринимают человека своим. – чрезвычайно раним. Я не могу винить его за это. Также как не могу рассказать вам, почему так произошло в подробностях. Но поймите одно – он так повел себя, не потому что ненавидит государя, страну, или нашего товарища, Жоржа. Ему очень больно осознавать, что неравноправие – это закон русской жизни. С этим законом боролись, и будут бороться, но методы борьбы бывают слишком неоправданными. Да и, ко всему прочему... выпивка развязывает язык. Думаю, за сим нужно окончить наш приятный вечер, пока он окончательно не стал неприятным.

Я согласился кивком головы, и вывел под руку недоуменного Жан-Мишеля, который, судя по полупьяному лепету, хотел расспросить о судьбе императора и дальнейших планах армии. По пути мы встретили русского офицера Ивана, который стоял и плакал около окопа. Сабля была воткнута в землю, а около него красовался подстриженный косыми ударами куст орешника, который чудом уцелел после всего, что ему пришлось пройти. Мне подумалось, что

этот непостижимый, юный и безрассудный офицер – такой же орешник, которому пьяный воин обрубил ветви. Мы были пьяны, и я не решился подойти к нему наедине. Ворошить прошлое – не лучшая идея для того, чтобы начать разговор.

Западный фронт, весна 1918 г.

Несколько месяцев подряд я практически не мог писать, настолько насыщенной и напряженной была окружающая меня обстановка. За это время произошло столько важных событий, что во всех подробностях мы даже не успели их обсудить. Одно ясно – мир уже очень близок.

Русских офицеров уже давно нет с нами, они вернулись домой. Вот только, тот ли дом их ждет, что они покидали? Не думаю. В ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года, страна под названием Россия перестала существовать. На бумаге, разумеется. Бескрайние поля, леса, и даже горы, о которых без усталости рассказывали нам Иван, Андрей, и Михаил, безусловно, нигде не исчезли. Скорее, за то время, пока мы все прозябали во французской грязи, новые из них уже нанесли контурами на карты.

Теперь монархия уже не вернется. Социалисты, над которыми мы смеялись у себя в окопах не более трех лет назад, теперь реальная политическая сила, правда, в другой стране. Пропагандисты активизировались и у нас, призывая последовать примеру русских, и развязать мировую революцию против капитализма. Не знаю, какой в этом смысл. Думается мне, что власть всегда одинакова, в чьих бы руках ни находилась. Рано или поздно, возьмет верх диктатура и единоначалие, в той или иной форме. Даже при парламентском управлении, как в Великобритании, или даже у нас, в республике, всегда есть те, кого слушают большие, и те – кого меньше.

Переводя свои мысли в более удобоваримый вид, получается, что как бы не назывался правящий орган, правители, их помощники, а также государственный аппарат, его суть не меняется год от года, в каждом государстве. Есть те, кто правит, и те, кем правят. Так было в Риме, так было в Галлии, так было везде. Повсеместно, и в каждый период истории.

Иногда я склоняюсь к идеям анархизма, но, когда снова исполняю приказы, либо более глубоко задумываюсь о проблеме, я понимаю, что настоящий анархизм плохо реализуем в условиях нашего мира. Слишком многие люди, пользуясь режимом тоталитарной свободы, решают, что им позволено все не только юридически, но и вне рамок закона и порядка. Многие начнут брать то, что им не принадлежит. Другие — убивать тех, кто взял то, что им не принадлежит. Бесконечный круг ненависти запустится снова, и нужно будет его останавливать, хотя бы для сохранения рода человеческого. Как? Правильно, армией и жандармами. Из чего следует неоспоримый вывод, что без контроля разумная жизнь человечества, лишенная преступлений и беззакония, представляется просто невозможной. Осознание этого, конечно, загоняет меня в настоящую депрессию, но я понимаю, что это истинное положение дел. На войне мне довелось видеть, что бывает, когда порядок ломается на ходу. Наступающая за ним анархия не идет ни в какое сравнение с тем, что в качестве пропаганды предлагается нам их агитаторами. Никакого мирного сосуществования и взаимопомощи, неограниченной законными рамками. Лишь смерть, разруха и убийства. Вот что я видел.

Многие могут возразить мне. Они скажут, что в мирной жизни все иначе. И я поддерживаю их. Действительно, в мирной жизни искушений поддаться вседозволенности еще больше. В мирной жизни, нападая с известной целью на беззащитную девушку или старика, ты практически всегда уверен, что у них не спрятано ножа в рукаве. Ты не боишься, ты ощущаешь полную свободу...

Кажется, вот он, идеал человеческого бытия. То, к чему наши предки, и мы сами, стремимся годами, но нет! Тонкая граница между истиной и ложью, между пониманием этих вещей и их сопоставлением проходит в этой области как нельзя четко.

Границу между свободой и вседозволенностью так трудно провести людям. Особенно тем, кто вырывается на свободу после заточения, освобождается от заточения морального, душевного, социального. Им практически невозможно явственно ощутить ту грань, за которой столь желанная свобода превращается в злейшего врага. В этом, пусть и не в столь жесткой форме, я готов согласиться с господином Георгием Даниловым. Пусть многие из нас и не ведают, что такое настоящее ярмо, но то что свобода бывает врагом, я узнал на собственном опыте, и опыте моих товарищей. Хорошо, что этот опыт я получил не на войне, с ножом в придачу, который был припрятан в рукаве. Я понимаю это. Хорошо понимаю.

Вседозволенность, как мне кажется, рождается в то время, когда истинная свобода еще не познана, а ложная уже взяла в свои сети не только разум, но и душу человека. Человек начинает думать, что можно все, главное только захотеть, но это далеко не так.

Как бы нам ни хотелось, мы не имеем права похитить человека, который нам нравится. Мы не имеем права просто взять, и убить человека, который нам не нравится. Мы должны взвешивать, думать, и принимать правильные решения. Есть поступки, цена за которые слишком велика. И даже полученная в награду свобода, зачастую, не может ее покрыть.

Рождению такого порока способствует отсутствие страха. Парадокс, правда? Не более двух лет назад, я писал в этих же дневниках, что страх – гораздо опаснее многих пороков, и в это я искренне верю. Но, как и многие вещи в человеке, все имеет две стороны, и создано для того, чтобы выполнять свои задачи.

Если отсутствует ненависть, отсутствует и страх, но вместе с этим появляется вседозволенность. Практически всегда, если человеку не хватает настоящего, укрепленного морального ориентира, происходит именно так. Дело в том, что вседозволенность также бывает разной. И выражена в характере человека она также в разной степени.

Кто—то может задать даме, без ее позволения, вопрос сколько ей лет, а кто—то... посметь отобрать у этой же дамы сумочку с драгоценностями. И то, и другое – проявление чувства вседозволенности. В первом случае, пострадать может лишь самолюбие дамы и ее нежный внутренний мир, а во втором – ее психическое, и скорее всего, даже физическое здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.